

УДК 82-343.4

ГРНТИ 17.71

Т. Жилина-Элс

Повтор как функциональный элемент в русской волшебной сказке и проблемы его перевода на английский язык

В статье рассмотрена одна из важных и сложных проблем, стоящих перед переводчиками фольклорных произведений и привлекающих к себе внимание исследователей. Анализируя виды повтора, типичного для русской волшебной сказки, и его функции, автор детально изучает возможности перевода каждого из этих видов на английский язык, сопоставляя различные варианты и определяя наиболее предпочтительный.

Применение лексико-семантического анализа дает возможность также выявить максимально точные средства передачи смысла. В процессе анализа автор выявляет характерные трудности, с которыми сталкиваются переводчики, и предлагает пути их решения. Особое внимание уделено отсутствующим в оригинале фрагментам, которые включают переводчики, стремясь разнообразить первоисточник.

Ключевые слова: русские волшебные сказки, народные сказки, повтор, перевод.

Tatyana Zhilina-Els

Repetition as a Functional Element in the Russian Folk and Fairy Tales and Problems of Its Translation into English

The article addresses one of the most important as well as the most complicated issues translators and researchers of folklore face. Having analyzed the types of repetition typical for Russian fairy tales and their functions, the author studies possibilities of translation into English for each of them comparing various options and showing the preferable ones.

The use of lexical and semantic analysis made it possible to find the most expressive means to capture the exact meaning. Examining texts, the author shows typical problems translators have and suggests ways to solve. Particular attention is paid to the inserts missing in the original that translators introduce in order to diversify the initial text.

Key words: Russian fairy tales, folk tales, repetition, translation.

Сказка как жанр устного народного творчества распространена по всему миру, общеизвестно, что нет такого народа, в фольклоре которого она бы отсутствовала. Исследователи давно пришли к выводу, что сказки народов мира сюжетно и содержательно связаны между собой, образуя единый сказочный ареал. Область сказки огромна, не одно поколение учёных посвятило себя её исследованию. Изучение сказки – это целая самостоятельная наука энциклопедического характера, которая немыслима без истории народов мира, этнографии, истории религии, истории форм мышления и поэтических форм, языкознания, исторической поэтики. О сказке существует огромная, необозримая литература. Один только библиографический перечень названий трудов о сказке составил бы целый том, не говоря уже о перечне сборников, выходящих во всём мире. При этом нельзя не заметить, что проблемами этого жанра занимались, прежде всего, фольклористы-литературоведы, а количество исследований в лингвистическом аспекте до сих пор остается весьма ограниченным.

За последние два десятилетия вопросы, связанные с переводом сказок, с одной стороны, и с ролью повтора – с другой, стали в большей степени привлекать к себе внимание. Так, в середине 2000-х годов появились диссертационные работы И. Ф. Амроян [1] и Ю. В. Васильевой [5] в которых исследуется феномен повтора/повторяемости во всех видах русского, а также англо-шотландского, болгарского и чешского фольклора. В статье Е. Е. Петровой [13], написанной на материале английских народных сказок, повторы и сравнения выделены как главные традиционные лексико-стилистические средства. Повтор как средство экспрессивности упоминается также в статье Г. В. Порческу [15], который причисляет его к второстепенным приёмам, используемым в английских сказках.

Среди работ, посвященных общим проблемам перевода русских сказок, выделяется, прежде всего, статья Т. Н. Богдановой [4]. В ней автор обращается к британской традиции перевода русских сказок на английский язык, показывая, что с самого начала появления интереса к русскому фольклору у переводчиков существует два подхода, в которых точность противостоит поэтичности. Автор статьи склоняется к выводу, что последняя более предпочтительна. Перевод повторов в русской сказке на английский язык стал объектом внимания также в статье А. Д. Беловой и И. И. Даниловой [3, с. 283], однако здесь функции повтора и его видов представлены неполно, что, в свою очередь, ограничило анализ возможностей перевода. В других статьях авторы [8; 6] концентрируют свое внимание на общих вопросах перевода, лишь вскользь упоминая о повторе, который не играет в их концеп-

циях значительной роли. В связи с этим в предлагаемой работе ставится задача классифицировать случаи повтора, характерные для русской народной сказки, и определить закономерности и способы передачи на английский язык тех или иных видов повтора.

Прежде чем рассматривать те или иные внутрижанровые проблемы, необходимо обратиться к определению сказки. Существует несколько основных дефиниций сказки как жанра. В наше время принята формулировка, данная известным исследователем-фольклористом Э. В. Померанцевой: Народная сказка (или казка, байка, побасенка) – эпическое устное художественное произведение, преимущественно прозаическое, волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел. Последний признак отличает сказку от других жанров устной прозы: сказа, предания и былички, то есть от рассказов, преподносимых рассказчиком слушателям как повествование о действительно имевших место событиях, как бы маловероятны и фантастичны они иногда ни были [14, с. 34]. Ранее при исследовании этого жанра учёные пользовались толкованием одного из основателей российской фольклористики А. И. Никифорова: «Сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [11, с. 7]. Эти определения в некоторой мере дополняют друг друга.

Общеизвестно, что сказка должна уводить слушателя в ирреальный мир, следовательно, она не может рассказываться обычным повседневным языком: и по своему содержанию, и по своей форме сказка должна быть необычной, эстетически изысканной. Естественно, что сказочник должен был владеть набором стилевых приёмов, обладающих эстетическим, эмоционально-психологическим воздействием на слушателя. Среди этих приёмов важнейшим является повтор. По определению, данному в Литературном энциклопедическом словаре, повтор – это основная разновидность стилистических фигур прибавления. В простейшем его случае слова повторяются подряд (эпанолепсис АА), в более сложных – в началах и концах смежных отрезков текста (анафора А..., А..., эпифора ...А, ...А, анадиплосис ...А, А..., симплока А ... В, А ... В). Повтор с ослаблением смыслового тождества повторяемых слов даёт анакласис, с ослаблением звукового тождества – паронимию, этимологизацию, полиптон. По аналогии с этим различаются звуковые повторы (аллитерации), фразовые (рефрены) и образные (одних и тех же мотивов, ситуаций и пр.) [9, с. 283]. Известно, что повтор, как явление музыкально-ритмическое, ведёт своё происхождение от древнейших ритми-

ческих образований, ещё не связанных со словом и мыслью. Исследователями было обнаружено, что композиционная ритмичность наблюдается далеко не во всех, но всё же во многих сказках, она возникает в результате повторения почти идентичных по содержанию и совершенно аналогичных по речевой интонации эпизодов и сцен.

Повторяемость сходных картин и ситуаций, создающую повествовательно-композиционный ритм, можно найти во многих волшебных сказках. Например, в сказке «Сивка-бурка» представлено троекратное посещение могилы: следующие друг за другом три картины, в которых описываются эти посещения, очень близки в смысловом и интонационном отношении и создают композиционную ритмичность начала сказки. Затем даются три почти идентичные картины доставания портрета, и заканчивается сказка тремя картинами царского пира. Такого типа троичность представлена и во многих других сказках, напр., «Иван-Царевич и Серый волк», «Марья Моревна», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». В этих и многих других сказках повтор используется для оформления зачинов, концовок и межэпизодических вставок, поскольку повторение ситуаций и картин создаёт сквозную композиционную ритмичность сказки.

Известно, что ритмичность, свойственная как фольклору, так и литературной художественной прозе, достигается различными приёмами и средствами. Среди них, по мнению исследователей, важное место занимают разнородные повторения и параллелизмы. Повторение начальных сочинительных и подчинительных союзов, другие формы анафоры и подхватывания слов, грамматико-синтаксический параллелизм соотносительных конструкций, наконец – наличие нерегулярных звуковых повторов, а также в некоторых случаях тенденция к выравниванию числа слов, слогов или ударений и к отбору окончаний определённого типа создают основу для восприятия художественной прозы как ритмической, – справедливо считает В. М. Жирмунский [7, с. 37]. Но это не единственная функция повтора. Поскольку фольклор предполагал лишь устную форму произведений, то многократный повтор как многочисленное воспроизведение и больших фрагментов, и их отдельных элементов, было необходимо для того, чтобы закрепить их в памяти следующего поколения. Ещё одной немаловажной функцией повтора было замедление ритма повествования для облегчения восприятия. Слушатель не может воспринимать всё произведение с одинаковым вниманием, его концентрация то возрастает, то снижается, и повтор как приём ретардации, о котором упоминают многие авторитетные учёные-фольклористы (например, В. Я. Пропп) [16, с. 67], предназначен как раз для таких моментов «усталости» слушателя и сказителя.

Многие действия в древнем фольклоре должны быть представлены как весьма интенсивные, не такие, как совершает обычный человек, однако средства для выражения этой интенсивности весьма ограничены, поэтому действие повторяется несколько раз для подчеркивания его продолжительности (*шёл, шёл, шёл; плыл, плыл, плыл; летел он, летел* и др.) и интенсивности качества (*молодец-молоцом, золотая-драгоценная; злато-серебро; жить-поживать да горя не знать*), а иногда и множественности (*гуси-лебеди; рать-сила*). Повторение действий в фольклоре имеет такую же функцию, как гиперболизация, которая предполагает преувеличение размеров, качеств или свойств. Многократность действий есть первобытный способ выразить мощь и интенсивность этих действий и силу эмоций рассказчика. Итак, повтор в сказке выполняет следующие функции:

1. Образование ритмичности.

2. Выражение продолжительности действия, интенсивности качества, множественности вещей.

3. Создание эстетических эффектов.

Перечисленные выше функции выражаются следующими видами повтора:

1. Сюжетный (композиционный): *Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье (лошадиное, козлиное) копытце, полно водицы.*

2. Морфологический (корневой): *сослужить службу, сказка сказывается, дело делается, старый старичок, горько-прегорько, поплакал-поплакал.*

3. Лексико-семантический (разнокорневая тавтология): *жил-был, холост-неженат, заплакал-запечалился, целовать-обнимать, путь-дорога, встать-пробудиться, верой-правдой, в некотором царстве, в некотором государстве, тело срослось, соединилось.*

4. Грамматический (синтаксический): *... а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на полянке стояла избушка, а в избушке жила баба-яга; ... меня посылают за огнём к бабе-яге, а баба-яга меня съест.*

5. Фонетический (аллитерация): *скоро сказка сказывается, пестом погоняет, помелом ..., подошла к старухе со страхом, погостили они, попиrowали и поехали.*

Прежде чем рассматривать возможности перевода сказок, следует поставить вопрос о сущности самого перевода. По мысли авторитетного учёного, «переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания» [2, с. 11]. Однако не будем забывать, что художественный перевод мыслим в двух наиболее общих взаимосвязанных из-

мерениях: уровень художественности и степень точности. Филологам хорошо известно, что художественный перевод может быть неточным, а точный – не художественным. Искусство перевода состоит не просто в мастерстве, а в умении подобрать точные и адекватные художественные образы, существующие в другом языке. Всевозможные трансформации объясняются различиями языков, но в образном толковании и воссоздании образа проявляются эстетические взгляды и принципы, присущие данному переводчику и его эпохе. Обратимся ко второму измерению – полноценности, адекватности перевода: «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [17, с. 127]. Полноценность перевода состоит в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы. Это значит также, что необходимо установить, какие из значений или функций слова или словосочетания пользуются преимуществом при переводе, а какими можно пожертвовать с тем, чтобы потери были минимальными.

Основной функцией повтора в сказке, как уже говорилось выше, является создание ритмичности. Как в поэзии, где в основе лежит упорядоченность звуковых единиц речи, так и в прозе, где главным является синтаксический фактор, ритм основан на чередовании различных речевых единиц и глубоко специфичен для каждого отдельного языка, связан с его внутренними закономерностями, как фонетическими, так и синтаксическими. Именно поэтому механического переноса ритма из одного языка в другой быть не может. Примером того, как переводчик смог хорошо уловить и передать ритм, может служить следующий отрывок из сказки «Марья Моревна»: *Можно ячмень засеять, подождать, пока он вырастет, сжать, смолотить, пиво наварить, допьяна напиться, до отвала выпиться да тогда вдогонь ехать – и то поспеем* [10, с. 189] – *'If we were to sow some barley, wait till it ripens, reap and thresh it, brew beer out of it, drink till we were drunk and not to go after them till had slept it off, we should still catch them up'* [19, с. 179].

Как пример сюжетного повтора можно привести сцены приветствия зятями Ивана-царевича из этой же сказки. Переводчик даёт три различных варианта повторяющейся идентичной картины: с одной стороны, воспитанным на литературных (или тщательно литературно обработанных сказках) западным читателям точный повтор может показаться скучным, а с другой – переводчик и сам стремится разнообразить текст. Ниже даны все три варианта перевода, но наиболее удачным нам представляется второй: *Слетел Сокол / Орёл / Ворон с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: Вставай, Марья / Ольга / Анна-царевна, милый наш братец идёт! Марья /*

Ольга / Анна-царевна тотчас прибежала, стала его целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про своё житьё-бытьё рассказывать [10, с. 187].

The Falcon / Eagle / Raven flew off the tree, struck the ground and turning into a handsome youth cried: Come, Tsarevna Marya / Olga / Anna, get up, for our own dear brother is here!

- *Hearing him Tsarevna Marya ran out to meet her brother. She welcomed him joyously, asked after his health and began to tell him how she lived and fared* [19, с. 157].
- *Hearing him Tsarevna Olga came running out of the palace. She began to kiss and embrace Tsarevich Ivan, to ask after his health and tell him how she lived and fared* [19, с. 158].
- *Hearing him Tsarevna Anna came running out of the palace. She welcomed him joyously, kissed and embraced Tsarevich Ivan asked after his health and began to tell him how she lived and fared* [19, с. 158].

Достаточно трудными для перевода являются однокорневые повторы и разнокорневая тавтология. Здесь переводчик должен постараться подобрать наиболее близкие синонимы (*житьё-бытьё* – ‘*how she lived and fared*’, *поплакал-поплакал* – ‘*and he wept and he cried*’) или же повторить слова так, чтобы достичь наибольшего эффекта, используя стилистические возможности английского языка (... *шёл-шёл и видит – лежит в поле рать-сила побитая* [10, с. 186] – ‘*He rode and he rode and by and by he came to a field where a whole host of warriors lay routed and dead*’ [19, с. 155]). В данном примере переводчик отразил полную коннотацию словосочетания *рать-сила побитая* и сохранил ритм. Некоторые переводчики стараются передать рифмованную форму зачинов, концовок или вставок *Стали жить-поживать и добра наживать* [10, с. 194] – ‘*And they lived together in health and cheer for many a long and prosperous year*’ [18, с. 18], *И была она такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать* [10, с. 98] – ‘*Such was her beauty as could not be pictured and could not be told, but was a true wonder and joy to behold*’ [18, с. 66]. Иногда же для выражения интенсивности качества требуется вставлять дополнительные предложения: *И повстречался ему тогда старый старичок* [10, с. 386] – ‘*After a while he met a little old man who was as old as old can be*’ [18, с. 30].

Самые большие проблемы при переводе повторов возникают с аллитерацией, причина очевидна – различный состав звукового ряда в русском и английском языках, хотя иногда в переводе удаётся всё же передать и её: ... *в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает* [10, с. 101]. – ‘... *Baba-Yaga flying up in a mortar, swinging her pestle like a whip and sweeping the tracks away with a broom*’ [18, с. 72].

Хотелось бы также отметить, что переводчики нередко включают добавления для того, чтобы усилить поэтичность, и во многих случаях эти фрагменты являются рифмованными, как например, перевод названия сказки «Марья Моревна» – *Marya Morevna, the lovely tsarevna*. И хотя данное добавление не отражает значения слова «Моревна» (то есть та, которая морит, убивает и обладает большой колдовской и физической силой), оно переключается с тем, как называют её в самой сказке: *Марья Моревна, прекрасная королевна*.

В сказке «Василиса Прекрасная» достаточно много стихотворных добавлений: *Мачеха и сёстры всё злятся, бранятся, работой девицу изводят* [10, с. 98]. – *'Her stepmother and stepsisters kept chiding and scolding her and making her work beyond her strength'* [18, с. 66]. Далее переводчик добавляет фрагмент, который отсутствует в оригинале: *All day long they were at her, one or another of them, shouting: Come, Vasilisa! Where are you, Vasilisa?! Fetch the wood, don't be slow! Start the fire, mix the dough! Wash the plates, milk the cow! Scrub the floor, hurry now! Work away, and don't take all day!* [18, с. 66] *'То одна, то вторая весь день её шпыняют, кричат: Сюда поди, Василиса! Василиса, где же ты? Не мешкай, давай, дров принеси! Тесто замеси, да разведи огонь! Подои корову, да посуду помой! Полы натри, да шевелись! Трудись усердней, не ленись!'* (перевод мой. – Т. Ж-Э.). Другим примером может служить описание ужина Бабы-Яги: *... и начала таскать из печки да подавать Яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погребца принесла она квасу, меду, пива и вина* [10, с. 101]. – *... and began to feed Baba-Yaga* [18, с. 74]. Затем следует рифмованный отрывок, который представляет ужин Яги в деталях: *She brought her a pot of borshch and half a cow, ten jugs of milk and a roasted sow, twenty chickens and forty geese, two whole pies and an extra piece, cider and mead and home-brewed ale, beer by the barrel and kvass by the pail* [18, с. 74]. *'Принесла она той котёл борща да полбыка, кувшинов десять молока, свинью с вертела, двадцать кур, гусей не меньше сорока, два огромных пирога и ещё полкуска, да сидру, да мёду, да домашнего эля, бочку пива и кваса бадью'* (перевод мой. – Т. Ж-Э.). Видимо, переводчик ввёл его для передачи ощущения ненасытности старухи, которая поглощает всё, что только можно найти в избушке.

Однако сделать такое авторское добавление, как показано выше, бывает легче, чем точно перевести стихотворные вставки, уже имеющиеся в сказке. Например, в сказке «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка» есть рифмованное описание зачина, которое повторяется трижды: *Шли-шли – солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье /*

лошадиное / козье копытце полно водицы [10, с. 376]. Переводчик хотел разнообразить текст и одновременно оставить рифму и поэтому допустил ряд неточностей, переводя одолевавшую героев усталость. В первом случае он выбрал слово *blue* – ‘испуганный; подавленный, унылый; грустный’ [12, I, 248–249] – *They walked and they walked, and the sun was now high up in the sky, and so hot were the two that they felt very blue. They came upon a cow’s hoof filled with water* [19, с. 57], во втором случае остановился на слове *sad* – ‘грустный, печальный, унылый’ [12, III, 131] – *The sun was still high up in the sky, and the heat was so bad that they felt sad. They came upon a horse’s hoof filled with water* [19, с. 58]. И лишь в третьем случае ему удалось подобрать формулировку, наиболее точно передающую состояние героев: им казалось, что они умрут от жажды, таким сухим был воздух – *They walked and they walked, but the sun was still high up in the sky, and the air was so dry that they felt they could die. They came upon a goat’s hoof filled with water* [19, с. 58] Перевод слова «копытце» также содержит неточность, поскольку в сказке оно означает не само копыто животного, а след, им оставленный и наполненный водой, и потому должно переводиться как «hoof mark».

Далее в сказке три раза повторяется стихотворный крик-зов козлёнка:

Алёнушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережок.

Горят костры высокие,

Кипят котлы чугунные,

Точат ножи булатные,

Хотят меня зарезати.

[10, с. 379]

Sister, dear Sister Alyonushka!

Swim out, swim out to me.

Fires are burning high,

Pots are boiling,

Knives are ringing,

And I am going to die.

[19, с. 61]

Переводчик сокращает прилагательные (*чугунные, булатные*), которые в оригинале нагнетают атмосферу бесчувственности и безысходности, а также, изменяя грамматическую конструкцию, смещает «вектор смерти» – создаётся ощущение, что не бессердечная ведьма хочет покончить с несчастным козлёнком, а ему приходится умереть, потому что настал его смертный час, пришло его время.

Очевидно, что ритм и мелодичность не воссозданы полностью, и читателю трудно представить себе, что маленький козлёнок на краю собственной гибели говорит-блеет это своей утонувшей сестре. Предлагаем альтернативную версию перевода, в которой в конце двух смысловых частей стиха, куда в английском языке падает смысловое ударение, введена разнокорневая тавтология (*come out, swim out; to slaughter, to butcher*), а также использовано мало употребительное *whet* ‘точить, острить лезвие’, которое усиливает поэтичность и дополнительно подчеркивает атмосферу надвигающейся катастрофы:

My dear Sister Alyonushka!
Come out, swim out to me...
High bonfires are burning,
Iron cauldrons are boiling,
Steel knives they are whetting
To slaughter, to butcher me.

Как видно на примерах из русских народных сказок в оригинале и в английском переводе, повтор осуществляет несколько функций, главными из которых являются создание ритмичности и выражение продолжительности или интенсивности. Практически все виды повтора, используемые в русском языке для передачи этих функций, применяются и переводчиками. Перевод повторяющихся больших фрагментов (композиционный тип), вытекающих из самого развития сюжета, и грамматических конструкций (синтаксический тип) не представляет особых трудностей, если только в них не кроются другие типы повтора. Затруднения могут вызвать разнокорневая тавтология и морфологический тип повтора, для передачи которых переводчикам приходится вводить придаточные предложения и искать синонимические слова и фразы, выбор которых не всегда очевиден. В некоторых случаях эти типы повтора становятся взаимозаменяемыми. Наименьшую долю в переводе повторов занимает аллитерация, поскольку этот вид повтора полностью зависит от звукового ряда данного языка и в большинстве случаев не может найти отражение в другом языке. Стараясь слегка осовременить сказку и давая выход своему творческому воображению, переводчики вводят авторские дополнения, часто рифмованные, чтобы сделать сказку более интересной для нашей эпохи и западного читателя, привыкшего к диснеевским версиям известных европейских сказок.

Список литературы

1. Амроян И. Ф. Повтор в структуре фольклорного текста: на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 402 с.

2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Белова А. Д., Данилова И. И. Перевод повторов в русских народных сказках на английский язык // *Междунар. журн. экспериментального образования*. 2014. № 6–2. С. 156–157.
4. Богрданова Т. Н. Русская сказка в английской традиции перевода // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2010. № 1. С. 103–113.
5. Васильева Ю. В. Повтор как принцип организации фольклорного текста: Лексико-синтаксический повтор в произведениях русского и англо-шотландского фольклора: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 213 с.
6. Власенко С. В. О событийной референции: на материале английских переводов русских волшебных сказок // *Вестн. Моск. ун-та*. 2011. Сер. 12: Теория перевода. № 3. С. 3–25.
7. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 408 с.
8. Левицкая Е. К. Проблемы перевода русской волшебной сказки на французский и английский языки // *Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сб. ст. VII Междунар. науч. конф. молодых ученых: в 2 ч. Ч. 1: Современные лингвистические исследования*. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2018. С. 196–200.
9. Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1987.
10. Народные русские сказки из сборника А. Н. Афанасьева. М.: Правда, 1982. 576 с.
11. Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители // *Русская народная сказка / сост. О. И. Капица*. М.–Л., 1930. С. 7–55.
12. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. М.: Русский язык, 1998.
13. Петрова Е. Е. Традиционные формульные лексико-стилистические средства в английских народных сказках (сравнения и повторы) // *Междунар. науч.-исслед. журн*. 2015. № 7 (38). Ч. 4. С. 58–60.
14. Померанцева Э.В. Некоторые особенности русской пореформенной сказки. № 4. М.: Сов. этнография, 1956. С. 32–44.
15. Порческу Г. В. Средства создания экспрессивности в сказке и способы их перевода // *Вестн. Вятск. ун-та*. 2017. № 12. С. 183–187.
16. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
17. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высш. шк., 1983. 303 с.
18. *The Fire-bird*. Moscow: Raduga Publishers, 1981. 84 p.
19. *Vasilisa the Beautiful*. Moscow: Progress, 1981. 216 p.

References

1. Amroyan I. F. *Povtor v strukture fol'klornogo teksta: na materiale russkikh, bolgarskikh i cheshskikh skazochnykh i zagovornyykh tekstov* [Repetition in the Structure of Folklore Text: in Russian, Bulgarian, and Czech Fairy Tales and Oral Charms]: dis. ... dok. filol. nauk. Moscow, 2006. 402 p. (In Russian)
2. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod* [Language and Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 p. (In Russian)
3. Belova A. D., Danilova I. I. *Perevod povtorov v russkikh narodnykh skazkakh na angliiskii yazyk* [Translation of repetitions in Russian folk tales into English]. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education]. 2014. № 6–2, pp. 156–157. (In Russian)
4. Bogrdanova T. N. *Russkaya skazka v angliiskoi traditsii perevoda* [Russian fairy tale in the British tradition of translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bul-

letin]. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. № 1. 2010, pp. 103–113. (In Russian)

5. Vasil'eva Yu. V. *Povtor kak printsip organizatsii fol'klornogo teksta: Leksiko-sintaksicheskii povtor v proizvedeniyakh russkogo i anglo-shotlandskogo fol'klora* [Repetition as a Principle of Folklore text organization: Lexical and Syntax Repetition in Russian, English, and Scottish folklore]: dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2004. 213 p. (In Russian)

6. Vlasenko S. V. *O sobytiinoi referentsii: na materiale angliiskikh perevodov russkikh volshebnykh skazok* [On Event Reference: English translations of Russian Fairy Tales]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. 2011. Seriya 12: Teoriya perevoda. №3, pp. 3–25. (In Russian)

7. Zhirmunskii V. M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Theory of Literature. Poetics. Stylistics]. Leningrad: Nauka, 1977. 408 p. (In Russian)

8. Levitskaya E. K. *Problemy perevoda russkoi volshebnoi skazki na frantsuzskii i angliiskii yazyki* [Problems of Translation of Russian Fairy Tales into French and English]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka: sbornik statei VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh: v 2 ch.* [Actual Problems of Philology in XXI century: Proceedings of the VII International Scientific Conference for Young Scientists in 2 vol.]. Ekaterinburg: UMTs-UPI, 2018. Ch. 1: Sovremennye lingvisticheskie issledovaniya, pp. 196–200. (In Russian)

9. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. (In Russian)

10. *Narodnye russkie skazki iz sbornika A. N. Afanas'eva* [Russian folk tales from A. Afanasyev's collection]. Moscow: Pravda, 1982. 576 p. (In Russian)

11. Nikiforov A. I. *Skazka, ee bytovanie i nositeli* [Fairy Tale, Its Existence and Mediums]. *Russkaya narodnaya skazka* [Russian Folktales]. Sost. O. I. Kapitsa. Moscow–Leningrad, 1930, pp. 7–55. (In Russian)

12. *Novyi bol'shoi anglo-russkii slovar'* [New English-Russian Dictionary]: v 3 t. Moscow: Russkii yazyk, 1998. T. 1, pp. 248–249. (In Russian – English)

13. Petrova E. E. *Traditsionnye formul'nye leksiko-stilisticheskie sredstva v angliiskikh narodnykh skazkakh (sravneniya i povtory)* [Traditional Lexical and Stylistic Formulae in English Folktales (Similes and Repetitions)]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal]. 2015. №7 (38) Ch. 4, pp. 58–60. (In Russian)

14. Pomerantseva E. V. *Nekotorye osobennosti russkoi poreformennoi skazki* [Some Peculiarities of Russian Post-Reform Fairy Tales]. № 4. Moscow: Sovetskaya etnografiya, 1956, pp. 32–44. (In Russian)

15. Porchesku G. V. *Sredstva sozdaniya ekspressivnosti v skazke i sposoby ikh perevoda* [Means of Expressiveness in Fairy Tales and Their Translation]. *Vestnik Vyatskogo universiteta* [Bulletin of Vyatka University]. № 12. 2017, pp. 183–187. (In Russian)

16. Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoi skazki* [Morphology of the Folktale]. Moscow: Labirint, 1998. 512 p. (In Russian)

17. Fedorov A. V. *Osnovy obshchei teorii perevoda* [Fundamentals of General Theory of Translation]. Moscow: Vysshaya shkola, 1983. 303 p. (In Russian)

18. The Fire-bird 1981 – *The Fire-bird. Russian Fairy Tales*. Moscow: Raduga Publishers, 1981. 84 p. (In English)

19. Vasilisa the Beautiful 1981 – *Vasilisa the Beautiful. Russian Fairy Tales*. Moscow: Progress, 1981. 216 p. (In English)